

ятым. Наиболее полной и богатой фактическим материалом бывает обычно во всяком своде его заключительная часть: здесь летописец выступает как современник и может пользоваться обильными и свежими источниками. Между тем именно период между 6916 г. (окончание свода 1408 г.) и 6926 г. (год окончания общего текста) характеризуется в СІ—НІV, а вслед за ними и во всем московском летописании крайней бедностью фактического материала. Отошедший было с конца XIV в. от своего новгородского источника протограф СІ—НІV оказался вынужденным вновь довольно широко использовать его после 6916 г., иначе ему просто не о чем было бы писать.

Судьба русского летописания после 1408 г. довольно неясна. Подвергалось ли вообще общерусское летописание какому-либо редактированию между 1408 г. и серединой XV в.? Наиболее близким по времени к своду 1408 г. памятником следует, по-видимому, считать ростовский свод, сохранившийся в последней части МАк и доведенный до 6927 (1419) г.; в основе его, очевидно, лежало общерусское летописание, близкое по времени к 1419 г.⁶⁶ До 1408 г. свод этот близок к Троицкой летописи (с нею совпадает, например, известие 6888 (1380) г. о Куликовской битве);⁶⁷ после этого года мы обнаруживаем в МАк лишь небольшое число общерусских известий, и только три из них отыскиваются и в составе СІ—НІV (о приезде Фотия в 6912 г., о пожаре в Твери в 6922 г. и о смерти сына Василия I в 6925 г.).⁶⁸ Кроме этих сообщений, в СІ—НІV помещено еще несколько известий общерусского характера, отсутствующих в МАк;⁶⁹ в целом же общерусский текст летописей за 6916—6926 гг., как мы уже отметили, весьма краток и беден.

Предположение о том, что протограф СІ—НК—НІV был составлен во всяком случае после 1425 г. (времени вокняжения Василия II), хорошо объясняет состав и тенденции этого свода.

Мы уже отмечали, что важнейшей идеей протографа СІ—НІV была идея объединения русских сил для борьбы против врагов Руси. Не менее характерна для этого же свода другая тема: резкое осуждение «братонавидения» — внутренней борьбы между князьями, облегчающей успехи «поганых». Именно эти тенденции отметила М. А. Салмина в статьях СІ—НІV о Дмитрии Донском.⁷⁰

Те же самые мотивы мы обнаруживаем и в других статьях протографа СІ—НІV. Не случайно в этом своде (судя по СІ, текст которой в данном случае А. А. Шахматов считал протографичным) рассказ Повести временных лет и Новгородской I летописи об убийстве Святополком Бориса и Глеба был заменен более развернутым житийным текстом.⁷¹ В рас-

⁶⁶ Ср. выше, стр. 127. Начальный текст МАк до 6714 (1206) г. близок к Радзивилловской летописи, а текст 6714—6745 гг. заимствован из СІ (ср.: А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 222—223).

⁶⁷ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 355—356.

⁶⁸ Известие о поставлении Фотия в СІ—НІV в отличие от МАк не имеет точной даты; в отличие от МАк умерший сын Василия I Иван не именуется здесь «зело превозжеланным».

⁶⁹ Например, известия о замужестве Анны Васильевны (6919 г.), о нападении на Киев (6924 г.), о Цамблаке (6925 г.), о взятии Кременца (6926 г.). Кроме первого, все эти известия связаны с Литовской Русью и могли (как и известия об Анфале 6917 г. и сыне Лугвеня 6919 г.) быть взяты из новгородского летописания, внимательно относившегося к этим темам.

⁷⁰ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 372—373; 2) «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 180.

⁷¹ А. А. Шахматов. Рукопись, лл. 152—153.